

А.А. Хлезов

ОРУЖЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ СКАНДИНАВИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Из всех базовых аспектов культурного бытия социального организма военно-технический аспект, без сомнения, выступает в качестве одного из важнейших. Более того, коль скоро речь заходит об эпохе Средневековья, в особенности раннего, данный аспект приобретает едва ли не структурообразующий смысл. В самом деле, в качестве важнейших характеристик раннесредневекового общества выступают его аграрность и повышенная конфликтность. И то, и другое стало, как известно, причиной формирования весьма специфических социальных структур так называемого феодального типа. Их специфичность была обусловлена острейшей необходимостью создания эффективных воинских формирований, в основном профессионального типа, в условиях острейшего дефицита ресурсов (как сырьевых, так и пищевых), что спровоцировало весьма ограниченную численность этих отрядов и в конечном счете их элитарность.

Другая важнейшая черта раннесредневекового военного дела — чрезвычайно устойчиво переживаемый «римский след». В оружейной сфере, по крайней мере, техническое влияние римского опыта (особенно эпохи позднего принципата и домината) ощущалось исключительно сильно, воздействуя на технологии и типологическую эволюцию отдельных видов вооружения вплоть до развитого Средневековья. В сущности, вообще сложно говорить о чисто варварском комплекте вооружения — речь может идти лишь об отдельных его элементах, имеющих, например, сугубо германское происхождение. Примечательно при этом, что воздействия вне технической сферы — в тактике, логистике, стратегии и т.п. — мы не в состоянии проследить.

Наконец, третьим фактором, который необходимо принять во внимание, является то обстоятельство, что в силу географических причин процесс интенсификации экспериментов с конницей и ее относительно бурное развитие, имевшее место в Западной и Центральной Европе, практически ни в какой мере не характерны для Северной Европы и островов. Этот корректирующий момент не только действует на протяжении всего раннего Средневековья, но и свойствен Темным векам. Без учета этого обстоятельства многие параллели окажутся неработоспособными.

Исследуя вопрос бытования, эволюции и применения вооружений эпохи Темных веков (500–800 гг.) как повсюду в Европе, так и конкретно в Скандинавии, мы сталкиваемся с рядом проблем. Первая из них — наиболее общая для всего периода — острый дефицит источников. Слабая репрезентативность текстов, имеющих континентальное или британское происхождение в части интересующей нас проблематики, сменяется их полным отсутствием в Северной Европе. Очевидно при этом, что Север, однако, дает гораздо больший простор для экстраполяций — в силу замедленности развития здесь, в том числе и в оружейной сфере. Однако эти экстраполяции также имеют естественный и разумный предел. Так, если переносить опыт тактических действий скандинавов эпохи Хаврсфьорда или Свелда на эпоху вендельских лидеров более-менее корректно и рационально, то утверждать тождество оружия даже на протяжении двух-трех веков совершенно недопустимо. Лишь факт употребления того или иного предмета вооружения может быть извлечен из ретроспективных свидетельств, наиболее информативными из которых остаются «Сага об Инглингах» и «Беовульф».

Археологические свидетельства в этом отношении остаются единственными адекватными источниками как позитивных данных, так и гипотетических суждений. Однако при их анализе возникает следующая проблема. Предметы вооружения как артефакты повышенной ценности — жизнеобеспечивающий фактор, а нередко и объект ритуализации — зачастую могли служить нескольким хозяевам и надолго переживать эпоху своего создания. Кроме того, многие из них не имеют отчетливо документированной истории в силу случайности этих находок, отсутствия данных об их археологическом контексте и т.д.

И даже если учесть, что точная датировка здесь вторична и ею можно пренебречь, все равно остается третья проблема, связанная с возможностью дальних перемещений оружия в ходе масштабных переселений и походов. Этот фактор нередко удручающ, поскольку полностью вырывает артефакт из его контекста и резко снижает ценность находки. Отметим, тем не менее, что, во-первых, его влияние несколько сглаживается фактом высокой унификации (не тождественности!) оружия в построманской Европе (который можно в целом давно уже принять как аксиому), а во-вторых, в гораздо меньшей степени относится к региону Фенноскандии.

Таким образом, целью данного исследования является установление общих закономерностей трансформации оружейного комплекса в Европе периода Темных веков, его локальных особенностей и места в этом процессе

Скандинавского региона как принципиально важной, но окраинной зоны культурного ареала.

Фактологический контекст рассматриваемого вопроса связан с весьма бурными изменениями, происходившими в армии эпохи позднего принципата и домината, — изменениями как этнического, так и технического свойства. «Разбавление» армии представителями варварских племен, безусловно, носило односторонний характер: оно касалось прежде всего вспомогательных и национальных формирований, бывших до того несколько маргинальными подразделениями, но теперь приобретающими все большее значение¹. Собственно легионов это касалось меньше — если и происходило их «разбавление» варварским элементом, то римские *fabricae* по госзаказу снабжали регулярную армию стандартизованными образцами вооружения. Кроме того, прежние виды вооружения были оптимизированы под способ ведения войны, традиционный для римлян, поэтому механическое копирование каких-либо элементов варварского оружия было просто нецелесообразно.

Ключевым является период III–V столетий. Активное привлечение в это время федератов и иноземных отрядов к регулярной службе создает именно ту контактную культурную среду, которая является главным медиатором оружейных традиций Рима и варваров. Особенно интенсивно процесс оттока римских импульсов происходил после балканских войн готов 370-х гг. Он был осложнен тем, что сама империя переживала в тот момент сильнейшую ломку традиций. С открытием канала новой волны «конной агрессии» с Востока, Восточная, а за ней и Западная империи сталкиваются с необходимостью гораздо более масштабного применения кавалерии и, следовательно, смещения фокуса программ закупок вооружения для армии. Несомненно, именно в этот период (конец IV — конец V вв.) был достигнут пик разнообразия вооружений на полях битв, непревзойденный много столетий в дальнейшем. Смещение римской, западно- и восточногерманской, скандинавской, степной традиций создало ту питательную среду, которая сформировала оружейную традицию раннего Средневековья в целом. Вопрос о формировании и росте кавалерийских подразделений, которые могли бы конкурировать с новым типом противника как в маневренности, так и в ударных качествах, запустил механизм становления эффективной европейской конницы, постепенно превратившейся в феодальное рыцарство.

Далее, со второй половины IV в., намечается определенный дисбаланс в самой римской армии — свое последнее столетие она проводит в условиях заметного дефицита кавалерийских формирований.

Для нас принципиально важно, что в период конца IV — конца V вв., в эпоху интенсивного перемещения племен, армий и резкой активизации боевых действий, формируется то самое ядро преемственности оружейной традиции, которое будет актуально для Европы в последующие века. Но и с падением Западной империи Восточная будет продолжать играть роль ретранслятора римского опыта и транслятора собственных идей в германскую по преимуществу среду Западной Европы.

Итак, основой оружейного комплекса (комплексов) Темных веков в Европе явился детально разработанный и многократно апробированный на разных театрах военных действий набор защитных и наступательных элементов римского вооружения, бытующий в пехотном и кавалерийском вариантах. Ему противостоял весьма разнородный, но менее богатый по числу форм комплекс вооружений европейских варваров, который также бытовал в пехотном и кавалерийском вариантах, правда, их дифференциация была менее существенной, чем у римлян.

Необходимо при этом учитывать, что в основе эволюции и той, и другой систем лежали почти одни и те же формы. И римское, и кельтское, и германское вооружение восходило своими истоками (в особенности это заметно по наступательному оружию) к образцам, хорошо известным нам по находкам развитого бронзового и раннего железного веков. Допустимо говорить, что некоторые образцы оружия были чрезвычайно близки между собой у предков этих народов в начале I тыс. до н.э. и даже позже. Регулярной была и подпитка традициями соседей (кельтские шлемы, заимствованные римлянами, и др.). Заметим, что интенсивная трансформация оружия у римлян была связана с более тесными контактами с Грецией и Востоком, но главным образом с постановкой военного дела на иную основу — социальная жизнь прогрессировала в Италии гораздо активнее, чем в лесной Европе. Бой в тесной формации, упор на пешие формирования, а также успехи металлургии обеспечили чрезвычайную популярность короткого меча-гладиуса, ранний и заметный прогресс защитного вооружения пехотинца, редукцию некоторых видов оружия (оттеснение в легкую пехоту метательного вооружения, например) и концентрацию в кавалерии бывшего некогда всепопулярным в Европе длинного прямого меча.

На этом фоне археология остальной Европы не дает поводов говорить о существенном прогрессе. Выработанный в эпоху гальштатта и укрепленный в латенское время тип комплекса элитарного вооружения, насколько можно судить, незначительно изменяясь, доживает до рубежа эр, когда и вступает в интенсивное взаимодействие с римской традицией. Особо ого-

ворим — именно элитарного, поскольку большинство воюющих варваров никогда не располагало всеми элементами этого комплекса: шлемом, доспехами для корпуса, рук и ног. Как правило, рядовой воин использовал один базовый тип наступательного вооружения. Ряд приемов ведения войны серьезно отличал варварские формирования от римских, причем первые в этом случае не отставали от вторых, а порой и опережали их. Вспомним спорадический расцвет боевых колесниц у бриттов, отмеченный Цезарем (и, возможно, хотя и не известно наверняка, применение колесниц в бою в эпоху гальштагта и раннего латена).

Однако к нашей точке отсчета — середине I тыс. н.э. — варвары и римляне подошли в разном военно-техническом состоянии, и лидерство, без сомнения, было за римлянами. Однако их развитие было весьма резко прервано или, что точнее, ограничено в перспективе территорией Византии, где оно пережило определенную стагнацию. Вместе с тем византийский фактор оставался активно действующим в течение всего периода Темных веков. Возможно, его влияние проявляется весьма опосредованно, однако исключить его при анализе невозможно.

В рамках периода III–VI вв. военная активность в северных странах не снижается. Об этом свидетельствуют как многочисленные жертвоприношения военной добычи в болотах, так и продолжающиеся захоронения с оружием². Кроме того, важное значение приобретают укрепленные поселения, которые были весьма распространены в Скандинавии того времени. Среди них наиболее изученным на сегодняшний день является поселение Рунса в Уппланде (Центральная Швеция), расположенное на гребне холма в окружении двух больших гаваней и некрополя. Система укреплений в виде двойного вала окружала пространство, на котором располагались остатки семи строений со следами активной деятельности, включавшей, в частности, металлообработку и ткачество.

Система подобных укреплений была исследована, проанализирована и описана Ульфом Нэсманом на материале, в частности, раскопок на о. Эланд в Балтийском море. По его данным, от 16 до 20 укреплений датируются здесь временем от IV до VII столетий. Некоторые из них использовались по прямому назначению и в более поздний период — в эпоху викингов и Средние века. Не менее чем в девяти укреплениях обнаружены следы постоянного проживания людей, нередко весьма значительные. Так, в расположенном на юге Эланда Экеторпе раскопками открыто 53 длинных дома с резиденцией вождя в центральной части, причем количество построек возрастало от эпохи Великого переселения народов к Темным векам. Еще более зна-

чителен масштаб крупнейшего из эландских укреплений, Исманторпа, где обнаружено 83 длинных дома³.

Не вызывает сомнения, что такие укрепления были частью системы элитарных властных структур, основанных на мелкой дружинной организации. В эту систему входили большие курганы с захоронениями вождей и камерные погребения того времени. Система власти локальных конунгов достигает расцвета в рамках позднего римского времени и в начале вендельской эпохи, а затем постепенно склоняется к закату, уступая место иным формам власти. Этот процесс также согласуется с ощутимыми, хотя и не катастрофическими, изменениями в поселенческих структурах и хозяйстве, происходящими в период поздней вендельской эпохи⁴.

Как правило, точкой отсчета для анализа военного дела Скандинавии позднеримского и меровингского времен выступают массовые находки оружия в болотах и их интерпретации. Наиболее показательным в этом смысле является исследование болота в Иллерупе, содержащего уникальную коллекцию из 15 тыс. предметов вооружения, датирующихся в основном периодом 200–500 гг.

В частности, наиболее массовой коллекцией Иллерупа выступает, по мнению Йоргена Илькьера, группа оружейных артефактов, связанных с предполагаемым вторжением в Южную Ютландию варварской армии из района Южной Норвегии и прилегающих областей нынешней Швеции. Вооружение этой разбитой местными войсками армии, насчитывавшей, по мнению исследователей, не менее 1000 человек на нескольких десятках кораблей, было в начале III в. затоплено в озере, послужив одной из важнейших составляющих коллекции. В дальнейшем она многократно пополнялась путем аналогичных жертвоприношений более скромного масштаба. В числе артефактов — множество как ритуально испорченных предметов вооружения, так и вполне целых, практически пригодных для использования (в частности, два десятка римских мечей).

Значение этих находок для выяснения обстоятельств интересующей нас проблематики заключается, в частности, в том, что в 1990-е гг. Илькьером и фон Карнап-Борнхеймом были предложены решения по соотношению качества декорирования оружия с социальным статусом его владельца⁵. Так, было заявлено, что мечи, щиты, амуниция и конская упряжь, снабженные серебряными украшениями с золотым покрытием, должны быть рассмотрены как принадлежность верховных армейских лидеров, т.е. собственно предводителей армий. Ко второй, более многочисленной группе воинов авторами были отнесены владельцы оружия с бронзовыми украшениями.

Этот своего рода «офицерский корпус» представлял собой привилегированное воинское сословие. Наконец, простым железным оружием, по мысли авторов гипотезы, владели рядовые воины. Обоснованием такой классификации выступили количественные показатели каждой категории оружия. Так, в Иллерупе среди исследованной группы находок комплекты, относимые к высшему командованию, исчисляются 5–6 единицами. Им соответствуют 35–40 комплектов среднего уровня с бронзовыми украшениями. И наконец, около 350 наборов вооружения были отнесены к экипировке рядовых воинов. Там же, в Иллерупе, было обнаружено 12 наборов конской упряжи, соотношенных с соответствующим процентом всадников⁶.

Альтернативным источником информации о социальном статусе служит, по мнению ряда авторов (Лотты Хедигер, в частности), встречаемость разных типов оружия в комплекте вооружения одного воина. При этом воины, имеющие на вооружении только один или два типа оружия, рассматриваются как наименее привилегированные, владеющие тремя — более привилегированными. Соответственно, наверху воинской иерархии оказываются обладатели нескольких типов оружия и, разумеется, декоративных атрибутов его особой ценности и значимости.

Сходная с Иллерупом дифференциация прослеживается в Эйсбёле, где материал, относящийся примерно к 300 г., группируется следующим образом: порядка 200 комплектов включали копье, дротик и щит; около 60 в дополнение к этому набору содержали меч или скрамасакс; еще 12–15 комплектов рассматривались как элитарные на основании присутствия в них исключительно богато орнаментированных мечей и украшенной фалерами амуниции; еще 9 содержали конскую упряжь⁷.

Именно на основании высокой степени унификации массового рядового вооружения в Иллерупе был сделан вывод о централизованном снабжении из «арсеналов» вождей большого контингента, разбитого позднее в Ютландии, близ Иллерупа. В таком случае подразумевается, что первые два класса воинов должны рассматриваться как профессионалы — вожди и дружинники, а третья категория — как племенное ополчение, лишь эпизодически привлекаемое к боевым операциям.

Как видим, процентное соотношение находок предположительно разных прослоек воинов заметно различается, однако различия эти не носят качественного характера. При этом отмечалось, что в Иллерупе соотношение между высшим и средним сословием воинов составляет примерно 1:8, такую же соотношение между средней и низшей категорией воинов. Ана-

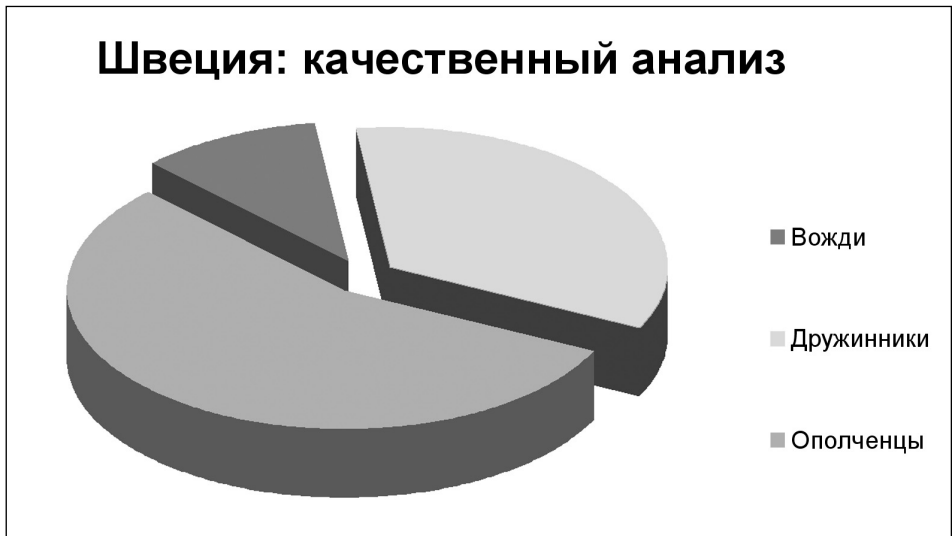
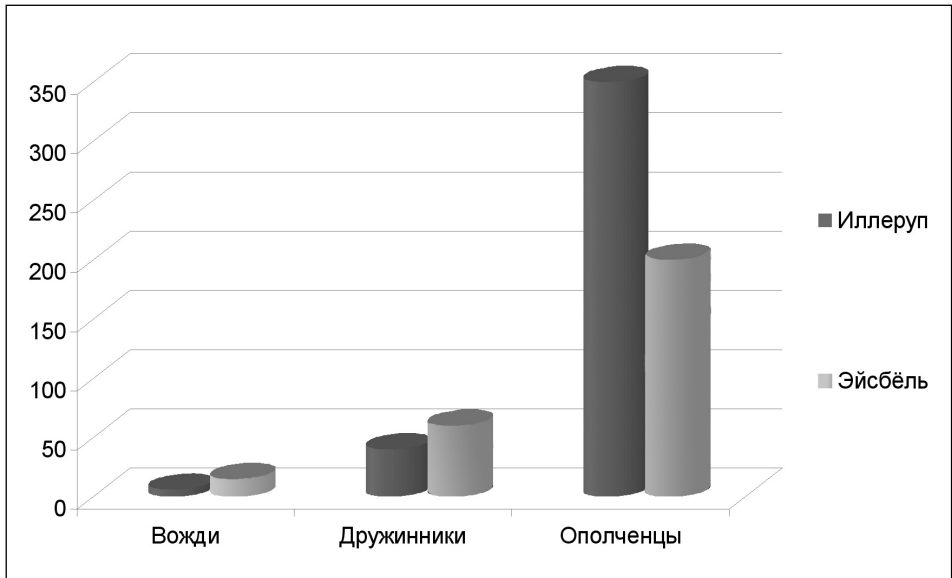
Иллеруп

Эйсбёль

логии авторов с системой римских *contubernium* — «отделений», низших войсковых единиц в римской армии из восьми человек, деливших между собой лагерьную палатку, — достаточно интересны. Однако к ним следует относиться с известной осторожностью, так как сомнительно столь буквальное цитирование германцами, не входившими в тесный контакт с империей, ее воинских структур, причем на двух уровнях сразу. Тем более что находки в Эйсбёле дают иные процентные соотношения воинских классов с явно меньшим количественным разрывом между ними. Скорее всего, главными диктующими мотивами были конкретная демографическая ситуация и имущественные возможности как всего социума, так и отдельных его членов, а они варьировались и в пространстве, и исторически — во времени.

Высказывались предположения о том, что часть германцев, воевавших с римлянами в период Маркоманнских войн и в дальнейшем служивших во вспомогательных войсках империи, принесли с собой по возвращении на родину новые идеи в части армейского строительства. Однако такие предположения кажутся чересчур смелыми. При несомненном заимствовании разными путями римских образцов вооружения (о чем впервые и именно применительно к Маркоманнским войнам заявил в 1920-х гг. Хокун Шетелиг) германцы в организационном плане не демонстрируют ничего, напоминающего регулярную римскую организацию. Коль скоро речь заходит о вспомогательных римских войсках, уместно заметить, что, поступая на службу, варварские контингенты вряд ли существенно меняли привычный им образ ведения войны, так что в этом случае римские заимствования вряд ли имели место.

Другая категория археологических памятников, имеющих прямое отношение к данному вопросу, — погребения с оружием. Опыты соотнесения данных, касающихся оружейной традиции, воинской иерархии и социальных последствий по данным болотных находок, с одной стороны, и данным погребений — с другой, предпринимались неоднократно Илькьером, Гансумом, фон Карнапа-Борнхеймом и др. В Скандинавии общие характеристики погребений с оружием, сформированные в раннем римском железном веке, могут быть прослежены вплоть до победы христианства, однако существуют и явные локальные различия. Наибольшая концентрация таких памятников приходится на Данию. Число погребений с оружием здесь постоянно возрастает в период раннего римского железного века, когда около 7 % погребений содержат оружие. В позднеимперский период этот процент снижается до 2. Аналогичные процессы проходят в Юго-Восточной Норвегии, однако

с некоторым запозданием по времени. То есть рост милитаризации общества, вопреки ожиданиям, не достигает пика в эпоху Великого переселения. Несмотря на некоторое увеличение разнообразия оружия, сами погребения с ним становятся относительно редкими. Дольше всего традиция удерживается на Западе Южной Норвегии, в Вестфольде и Телемарке, а также вокруг озер Мьоса и Раннсфьорд. Аналогичная концентрация погребений с оружием в этот период представлена на о. Готланд.

Учитывая принципиально иные условия обнаружения находок в не столь богатых болотами Норвегии и Швеции, именно эта категория памятников является единственно сопоставимой с местами массовых жертвоприношений⁸. Однако здесь возникают известные трудности, поскольку, как указывалось самими авторами интерпретаций, например, лишь около 10 % южнонорвежских находок из примерно 150 оружейных комплексов (в фюльках Эстфёльд, Акешхюс, Осло, Хедмёрк, Бускеруд, Уппланн, Вестфёльд и Телемарк) сопровождаются достоверной документацией. Остальные — в основном случайные находки, которые нельзя считать закрытыми комплексами.

Для юго-восточных регионов Норвегии характерен весьма слабый разрыв между численностью групп воинов, снабженных одним, двумя и тремя видами вооружения. По данным Ф.-А. Стюлегара, комплексы с одним видом оружия составляют 41 % находок, с двумя — 27 %, с тремя — целых 32 %. При этом если оценивать находки по принципу элитарности декора вооружения, то наблюдается близкое сходство между датским и норвежским материалом. В Дании и Норвегии доля высшей категории воинов определяется соответственно в 1,5 и 0,7 %, средней — в 9 и 12 %, наименее привилегированной — в 89 и 88 %.

При общем согласии с тем, что оружие в захоронениях является индикатором милитаризации варварского общества, неоднократно предпринимались попытки конкретизировать исследования, установив иные корреляции между комбинациями оружия в погребальном наборе и социальным статусом. На северогерманском и, в частности, датском материале это было сделано Лотте Хедигер, указавшей, что, например, оружие сопровождает погребения относительно молодых мужчин, в то время как наборы без оружия, но включающие шпоры, соотносятся с пожилыми мужчинами⁹. По ее мнению, оружие в погребении без шпор прежде всего соотносится со статусом активного взрослого воина. С возрастом, утрачивая возможность полноценно воевать, но сохраняя за собой власть, богатство и статус, перекрывающий воинскую функцию, человек сохранял в качестве символа свое-

го положения шпоры. В то же время есть категория совсем молодых воинов, с которыми погребены как оружие, так и шпоры. За ними Хедигер видит прежде всего наследуемый социальный статус, приобретенный по праву рождения, а не добытый в ходе боевой деятельности.

Вместе с тем высказывалась мысль о том, что относительно небольшое число погребений могло объясняться, в частности, тем, что погребения с оружием удавалось не каждый, имевший отношение к воинскому ремеслу, но только один человек на семью соответствующего статуса в каждом поколении¹⁰. Таким образом, не всякое погребение без оружия демонстрирует непричастность погребенного к воинскому ремеслу, но каждое с оружием подчеркивает его воинский статус. Для Восточной Ютландии предпринимались попытки связать погребения со шпорами с формированием локальных административных округов — позднейших «херадов».

Таким образом, тщательный количественный анализ как весьма массового, так и относительно разрозненного материала, связанного с оружейной культурой, дополненный аргументированным исследованием его качественной дифференциации, способен привести к вполне продуктивным результатам. Новые идеи, завоевывающие себе место в скандинавской науке в последние два десятилетия, демонстрируют качественное совершенствование методологии. Сама по себе схожесть выводов позволяет рассматривать данные качественные и количественные показатели как надежную основу для социальной стратификации воинского сословия архаической Скандинавии и в перспективе — для решения спорных и чрезвычайно важных вопросов комплектования раннесредневековых армий и трансфера отдельных воинов через социальные «перегородки».

Подведем итоги. Представляется, что в отечественной историко-археологической и социологической традиции в последнее время уделяется явно недостаточно внимания наиболее яркой модели модернизации архаического общества, реконструируемой на скандинавском (в особенности на норвежском) материале. Между тем привлечение этого материала, как прекрасно продемонстрировано, в частности, Ф.-А. Столегаром, с использованием дифференцированных и компаративных теоретических конструктов позволяет сделать далеко идущие социологические выводы. Отметим следующие (а список их далеко не полон) возможные выводы и перспективные направления исследовательской работы:

1) По качественному параметру в позднеримский период и в период Темных веков сохраняется очень устойчивое соотношение между высшим, средним и низшим сословиями воинов в примерной пропорции 1:9:89.

Само по себе это заставляет вспомнить общераспространенный термин «херад» — «сотня» как базовую единицу земельного, административного и воинского устройства и утверждать, что это кажущееся чересчур условным соотношение на самом деле строго выдерживалось, если говорить о взрослом боеспособном свободном мужском населении Северной Европы.

2) Соотнесение «гипотезы Илькьера» и «гипотезы Хедигер» оправдано, поскольку сравнительные числа социальных групп показывают высокую схожесть там, где условия залегания находок примерно схожи, и дают некатастрофичные расхождения там, где они существенно разнятся. Апробация этих методик на южноскандинавском материале подтверждена в недавнем прошлом на материале таких лендов, как Даларна, Хельсингланд и в особенности Медельпад.

3) Существенно сопоставление материала с возможно более ясным археологическим контекстом, что для некоторых регионов представляет серьезную проблему.

4) Если с методикой качественной атрибуции оружия по социальным стратам все в общем понятно, то нуждается в дальнейшей апробации и тщательнейшем исследовании «метод Хедигер», дающий намного большую свободу для анализа материала и весьма заманчивые перспективы для социальных выводов.

5) Важной задачей является дальнейший анализ распространения и встречаемости клинкового оружия — мечей и скрамасаксов — как индикатора: а) социальных различий и б) качественного изменения армий Севера в темпоральном аспекте. Однако говорить о построении в этом сегменте хотя бы приблизительной концепции рано.

6) Анализ категории клинкового вооружения позволяет наиболее детально проследить типологические ряды архаической Европы, Средиземноморья и Востока, соединяющиеся в раннем Средневековье и приводящие к своего рода военно-технической революции, выразившейся в появлении «вендельско-карolingского» типа мечей, обстоятельства появления которого пока не вполне ясны.

7) Анализ других групп вооружения и комплектов конкретных воинов показывает, что оружейная традиция Северной Европы находилась в теснейшем контакте с континентальными традициями, и связь эта не прервалась с завершением Великого переселения народов и определенной самоизоляции Фенноскандии. Остро стоит вопрос как типологической атрибуции этих комплексов в целом, так и поиска их региональных соответствий.

***

¹ *Albrethsen S.E.* Logistical problems in Iron Age warfare // Jorgensen A. N., Clausen B. L. *Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective AD 1–1300.* Copenhagen, 1997. S. 215–216.

² *Randsborg K.* Hjortspring. Warfare and sacrifice in Early Europe. Aarhus, 1995.

³ *Bente M.* Dwellings and settlements: structure and characteristics. The Scandinavians from the Vendel Period to the Tenth Century // *An Ethnographic Perspective.* Melton Woodbridge, 2003. S. 14.

⁴ *Ibid.* S. 15.

⁵ *Ilkjaer J.* Illerup Aadal. Die Lansen und Speere. Aarhus, 1990; *Idem.* Illerup Aadal. Die Gurte. Aarhus, 1993; *Carnap-Bornheim C. von, Ilkjaer J.* Import af romersk militaerudstyr til Norge i yngre romertid // *Et hus med mange rom.* Stavanger, 1999. Vol. A.

⁶ См. также: *Styegar F.-A.* Scandinavian armies in the Late Roman period. URL: <http://arkeologi.blogspot.com/2007/11/scandinavian-armies-in-late-roman.html>.

⁷ *Jensen J.* Danmarks oldtid. Aldre jernalder 500 f.Kr–400 e. Kr. Kobenhavn, 2003. S. 571.

⁸ *Schetelig H.* Vestlandske graver fra jernalderen. Bergen, 1912. S. 51–54.

⁹ *Hedeager L.* Iron-Age Societies. From Tribe to State in Northern Europe, 500 BC to AD 700. Oxford, 1992. S. 160.

¹⁰ *Jorgensen L.* Family burial practices and inheritance systems. The development of an Iron Age society from 50 BC to AD 1000 on Bornholm // *Acta Archaeologica.* Kobenhavn, 1988. № 58. S. 17–53.